

Научная статья
УДК 343.31
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-110-116>

Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму

Ахметшин Айрат Саатович

Управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, ahmetshin_as@52.sledcom.ru

Аннотация. Охрана конституционного строя и безопасности государства — это аксиома. Россия вне зависимости от формы политического и экономического устройства на всех этапах своего развития была озадачена разработкой эффективных мер противодействия экстремизму. В настоящее время отмеченный курс закреплен в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Наиболее симметричная государственно-политическая реакция на угрозы, исходящие от экстремизма представлена в Уголовном кодексе Российской Федерации. Ретроспективное исследование памятников уголовного права доказывает, что признаки исследуемого явления обнаруживаются практически во всех источниках уголовного права. Противодействие экстремистской деятельности всегда было построено на реализации особых репрессивно-властных приемов в области охраны исследуемой группы общественных отношений, включающих в себя лично-ограничительные и экономические виды наказаний. Современный концепт уголовно-правовой борьбы с экстремизмом с учетом сущности и содержания основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствует о том, что непосредственные объекты преступлений с признаками экстремистской деятельности, сосредоточенные в главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеют очень сложную сущностную структуру, неотъемлемым элементом которых являются права и свободы человека и гражданина, целостность Российской Федерации, общественная безопасность.

Ключевые слова: конституционный строй, безопасность государства, противодействие, экстремизм, экстремистская деятельность, закон

Для цитирования: Ахметшин А. С. Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 110—116. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-110-116>.

Original article

Fundamentals of the constitutional system and state security as objects of criminal law protection in countering extremism

Ajrat S. Akhmetshin

Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ahmetshin_as@52.sledcom.ru

Abstract. The protection of the constitutional order and the security of the state is an axiom. Russia, regardless of the form of political and economic structure, at all stages of its development was puzzled by the development of effective measures to counter extremism. At present, the noted course is enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the federal law “On Counteracting Extremist Activities”, and the National Security Strategy of the Russian Federation. The most symmetrical state-political reaction to the threats emanating from extremism is presented in the Criminal Code of the Russian Federation.

© Ахметшин А. С., 2022

A retrospective study of the monuments of criminal law proves that the signs of the phenomenon under study are found in almost all sources of criminal law. Counteraction to extremist activity has always been built on the implementation of special repressive-imperious methods in the field of protection of the studied group of social relations, including personal-restrictive and economic types of punishment. The modern concept of the criminal law fight against extremism, taking into account the essence and content of the foundations of the constitutional order and state security, indicates that the direct objects of crimes, with signs of extremist activity, concentrated in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, have a very complex essential structure, an integral element of which are human and civil rights and freedoms, integrity of the Russian Federation, public safety.

Keywords: constitutional system, state security, counteraction, extremism, extremist activity, law

For citation: Ahmetshin A. S. Fundamentals of the constitutional system and state security as objects of criminal law protection in countering extremism. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 110—116. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-110-116>.

Двадцать лет действия Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] показало, что государство находится в постоянном поиске эффективных и симметричных механизмов борьбы с нарастающими и глубоко видоизменяющимися угрозами, исходящими от экстремизма, ставящими в опасность основы конституционного строя и безопасности государства. Вне зависимости от особенностей политического или экономического устройства Россия на всех этапах своего развития всегда была озадачена обеспечением своей безопасности, что находило особое отражение в формировании самостоятельной уголовно-правовой стратегии. Положения вышеназванного нормативного правового акта доказывают научную гипотезу о том, что признаки исследуемого явления обнаруживаются практически во всех источниках уголовного права, конечно же, не именуясь экстремизмом, но фактически демонстрируя его прямую угрозу для главных государственных основ. Такого рода уголовно-правовые запреты всегда были сопряжены с очень суровой санкционной политикой. Приведем несколько примеров на основе кодифицированных актов, регулирующих сферу уголовно-правовых отношений. В частности, в Судебнике 1497 года закреплялась уголовно-правовая норма, прямо берущая под охрану один из главнейших государственных приоритетов — безопасность власти, определив такую форму криминально-девиантного поведения как «крамола» [2, с. 342, 347]. За совершение отмеченного деяния предполагалось применение уголовного наказания в виде пытки или смертной казни. Причем выбор санкции имел прямую зависимость от признания или не признания вины.

Последующие памятники уголовного права сохранили заложенный в Судебнике 1497 года

подход, усиливая при этом уровень государственно-властного реагирования, предполагая применение смертной казни как безальтернативного вида наказания [3, с. 29]. Расширяя сектор правовой охраны интересов власти, в последующих официальных уголовно-правовых актах были самостоятельно криминализованы убийство государственного служащего [3, с. 29], измена, заговор и бунт [4, с. 290].

Первая систематизация преступлений, посягающих на безопасность государства была реализована в Соборном Уложении 1649 года в главе Уложения «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать», что позволило реализовать успешную попытку в определении признаков экстремистской деятельности и усовершенствовать санкционную политику, применяя к виновным не только ставшее уже классическим наказание в виде смертной казни, но и конфискацию имущества (Конфискация как дополнительный вид наказания чаще всего применялась при совершении особо опасных преступлений, в том числе посягающих на государственный строй) [5, с. 263], тем самым выводя противодействие рассматриваемой группе общественно опасных деяний на принципиально иной, более эффективный уровень.

В Петровскую эпоху сохраняется преемственность с Соборным Уложением, однако с возникновением новых общественных отношений формируется законодательство иного типа [6, с. 267—270]. Наиболее значимые правовые акты того времени, направленные на борьбу с экстремизмом, следующие: Именной указ от 23 октября 1713 года «О доношении всяким людям о Государственных интересах Царскому Величеству Самому», Указ Сенату от 23 декабря 1713 года, Именной указ от 25 января 1715 года, Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 года. Вместе с

тем данные документы касаются, прежде всего, процессуальной стороны, и регламентировали доведение до органов власти, в том числе лично Петру I, сведений о совершении такого рода преступлений.

Реализация особых репрессивно-властных приемов в области охраны исследуемой группы общественных отношений была сохранена и на других этапах развития российского государства, в том числе и при смене политико-экономического устройства. Так, в рамках образования нового государства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — РСФСР), осознавая реальную угрозу, исходящую от разноформатных контрреволюционных проявлений, был определен курс борьбы с саботажем и восстаниями [7]. По накопительной истощенности уголовного права насыщались соответствующими уголовно-правовыми запретами. Одним из главных криминообразующих признаков, позволяющим относить деяние к контрреволюционному, выступал политический мотив его совершения [8, с. 82—87]. Совершенствовался и институт наказания, способствующий более глубокой дифференциации и индивидуализации ответственности (штраф; лишение свободы на определенный срок; выдворение из столиц, отдельных местностей или в целом за пределы Российской Республики; объявление общественного порицания; объявление виновного врагом народа; лишение виновного всех или некоторых политических прав; секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного; принуждение к обязательным общественным работам) [9, с. 19—20].

В 1918 году впервые в истории российского законодательства в официальный оборот вводится понятие — «контрреволюционные преступления» [10, с. 21]. Это прорыв и определенный этап эволюционирования российского права во взятой нами для исследования области. Учитывая, что его содержание опять же было основано на политической мотивации, в целом можно утверждать об очередной попытке государства симметрично отреагировать на возрастающие экстремистские угрозы для безопасности государства.

Представленное выше направление сохранилось и в кодифицированных уголовно-правовых актах (Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года). Происходит уточнение понятия контрреволюционных преступлений в УК РСФСР 1922 года. Опять же основываясь

на политической мотивации к этой группе, предложено относить не только деяния, явно посягающие на власть, но и способствующие этому в виде финансирования и шпионажа [11, с. 123].

В уголовных кодексах РСФСР 1926 и 1960 годов исследуемой группе общественно опасного поведения посвящена отдельная глава «Контрреволюционные преступления», что фактически определяло их исчерпывающий перечень. По такому же пути на первоначальном этапе пошел современный российский законодатель в рамках определения системы преступлений экстремистской направленности [12]. Однако не получив от реализации такого приема ожидаемого эффекта, сегодня реализуется подход, который также имел место быть в истории развития уголовного законодательства. Так, в настоящее время исключительно мотив совершения преступления фактически выступает в качестве единственного юридически значимого критерия в построении системы преступлений экстремистской направленности [13]. Однако, явно экстремистские деяния сосредоточены в Главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которая наступательно насыщается все новыми и новыми деяниями с признаками экстремистской деятельности, что актуализирует потребность в рассмотрении конституционного строя и безопасности государства как непосредственного объекта изучаемых форм криминально-отклоняющегося поведения. Учитывая все выше сказанное, в доктрине уголовного права не сформировано единого мнения по его характеристикам и содержанию, ведутся активные дискуссии в разрезе доказывания социально-правовой обусловленности необходимости выделения преступлений экстремистской направленности и необходимости их криминализации.

В рамках наиболее распространенного подхода непосредственный объект деяний с признаками экстремистской деятельности, закрепленных в Главе 29 УК РФ, отождествляют с видовым, положенным в название этой главы, предлагая рассматривать в качестве такового общественные отношения в сфере обеспечения конституционного строя и безопасности государства [14, с. 86—90; 15, с. 66], подкрепляя свои позиции в том числе и мнением Пленума Верховного Суда Российской Федерации [16, с. 147]. Полагаем, что основы конституционного строя и безопасность государства являются взаимозависимыми, то есть неразрывными между собой элементами уголовно-правовой охраны, так как

посягательство на один из них создает непосредственную угрозу второму.

Не ставя под сомнение отмеченную выше позицию, но понимая, что в анализируемой главе уголовного закона сосредоточены и иные деяния, не обладающие признаками экстремизма, считаем, что в этом случае недопустимо смешение в понимании социально-правовой сущности всех благ и ценностей, сконцентрированных в ней и взятых под охрану, что, безусловно, требует их персонализации, то есть уточнения. В этой связи как представители научного сообщества, так и правоприменители обращают внимание на отличительные особенности благ и ценностей, непосредственно страдающих от экстремистской деятельности, наблюдая тем самым полную поляриность подходов, что обосновано.

Так, например, по мнению А. Г. Хлебушкина, объектом преступлений с признаками экстремизма (ст. 280, 282, 282¹, 282² УК РФ) выступают только основы конституционного строя, тем самым заужая его реальное содержание и оставляя за рамками уголовно-правовой охраны в рассматриваемой области правового регулирования безопасность государства [17, с. 73—79], что, с нашей точки зрения, дискуссионно. Целесообразно в рамках Главы 29 УК РФ рассматривать безопасность государства с учетом положений новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года [18], где экстремизм рассматривается как одна из серьезнейших угроз [19, с. 10—16].

Вместе с тем в научных публикациях встречается и излишне широкое толкование объектов экстремистских деяний, относя к таковым всю сферу общественных отношений, сосредоточенных на недопущении экстремизма [20, с. 467]. С одной стороны, воспринимая это критически, полагаем, что такая точка зрения может быть объяснена имеющимся сегодня законодательным подходом, изложенным в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ, допускающим признавать экстремистским любое преступление при установлении соответствующей мотивации противоправного поведения.

Продемонстрированная многоаспектность в понимании уголовно-правовой сущности и содержания основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствует о том, что этот непосредственный объект имеет очень сложную сущностную структуру. Методологически верным видится его рассмотрение через призму деления объектов по горизонтали, что позволит более детально и правильно раскрыть

его значимое для уголовного права социально-правовое содержание и значение. В качестве авторского утверждения можно выступить с научной гипотезой о том, что все общественно опасные деяния, содержащие в себе признаки экстремистской деятельности, размещенные в Главе 29 УК РФ, всегда, кроме основного, содержат и дополнительный объект, характеристики которого можно представить исходя из положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [1] и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [21]. Содержание преамбул к ним позволяет отнести к таковым: права и свободы человека и гражданина, целостность Российской Федерации, общественную безопасность.

Подводя итоги исследования, подчеркиваем, что эпистемология противодействия экстремизму, конечно же, основана на достижениях, полученных на различных этапах развития человечества.

Представленные в статье этапы развития концепции в области уголовно-правовой охраны основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствуют о динамическом состоянии уголовной политики в этой области. Это обусловлено не только непрекращающимся процессом поиска наиболее оптимальной и эффективной модели борьбы с различными проявлениями экстремистской деятельности, но и существенным качественно-количественным изменением угроз, исходящих от нее.

Учитывая накопленный законодательный опыт, позитивную апробацию уголовно-правовых решений в области противодействия преступлениям с признаками экстремизма, а также сложно-структурное построение объектов уголовно-правовой охраны экстремистских деяний, требующих более глубокой их систематизации для правильной расстановки приоритетов в области уголовно-правовой охраны, видится возможным рассмотрение вопроса о выделении в разделе X УК РФ самостоятельной главы 29¹ «Экстремистские преступления».

История показывает и доказывает, что эффективным средством борьбы с экстремизмом в области сохранности основ конституционного строя и безопасности государства выступает применение комбинированных санкций, предусматривающих не только лично-ограничительные наказания, но и экономическое воздействие в виде штрафа или конфискации.

Завершить свое исследование хотелось бы следующими словами Президента Российской Федерации: «Экстремисты есть везде» [22], что, с нашей точки зрения, требует изучения личности экстремиста и их типологий [23], а также обосновывает потребность в оперативном и симметричном, в том числе и уголовно-правовом, реагировании на новые угрозы, исходящие от взятого для исследования явления.

Список источников

1. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.
2. Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 года. 529 с.
3. Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 года: учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 3: Особенная часть (главы 11—21). 536 с.
5. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. 512 с.
6. Эриашвили Н. Д., Белоновский В. Н. Противодействие деятельности экстремистской направленности в законодательных актах конца XVII и начала XVIII века // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 267—270.
7. О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира: обращение СНК от 11 ноября 1917 года; О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией: обращение СНК от 30 ноября 1917 года и др. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. 463 с.
8. Петрянин А. В. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления Советского государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 82—87.
9. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 года: сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 19—20.
10. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти: постановление ВЦИК от 5 января 1918 года: сборник документов по истории уголовно-

го законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953.

11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953.

12. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ // Российская газета. 2002. № 138—139.

13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

14. Кузнецов А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 86—90.

15. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 217 с.

16. Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. 2022. Н. Новгород. 384 с.

17. Хлебушкин А. Г. Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (56). С. 73—79.

18. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 7. Ч. II, ст. 5351.

19. Емельянова Е. В., Петрянин А. В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 10—16.

20. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. 742 с.

21. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8, август.

22. Путин: экстремисты есть везде, но поддерживаются только на Украине. URL: <https://www.vesti.ru/article/2744519> (дата обращения: 25.08.2022).

23. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практи-

ка: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 104—109.

References

1. On counteracting extremist activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)
2. Monuments of Russian law / ed. by L. V. Tcherepnin. Moscow, 1955. Issue 3: Sudebnik of 1497. 529 p. (In Russ.)
3. Chernyavskaya T. A. Legislative monuments of Russia until 1917: a teaching aid. N. Novgorod, 1995. Part 1. (In Russ.)
4. Naumov A. V. Russian criminal law: a course of lectures: in 3 volumes. 4th edition, revised and expanded. Moscow, 2007. Vol. 3: Special part (chapters 11—21). 536 p. (In Russ.)
5. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 vols. Moscow, 1985. Vol. 3: Acts of Zemsky Sobors. 512 p. (In Russ.)
6. Eriashvili N. D., Belonovsky V. N. Counteraction to extremist activities in legislative acts of the late 17th and early 18th centuries. *Bulletin of economic security*, 2016, no. 2, pp. 267—270. (In Russ.)
7. On the fight against the bourgeoisie and its agents who sabotage the food supply of the army and impede the conclusion of peace: appeal of the Council of People's Commissars of November 11, 1917; On the suppression of the counter-revolutionary uprising of the bourgeoisie, led by the Cadet Party: appeal of the Council of People's Commissars of November 30, 1917, etc. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917—1952 / ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1953. 463 p. (In Russ.)
8. Petryanin A. V. Peculiarities of criminal responsibility and punishment for extremist crimes during the formation of the Soviet state. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012, no. 17, pp. 82—87. (In Russ.)
9. On the revolutionary tribunal, its composition, cases subject to its jurisdiction, the penalties imposed by it and on the procedure for conducting its meetings: instruction of the NKJ of December 19, 1917. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917—1952 / ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1953. Pp. 19—20. (In Russ.)
10. On the recognition of all attempts to appropriate the functions of state power as a counter-revolutionary action: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of January 5, 1918. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917—1952 / ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1953. (In Russ.)
11. The Criminal Code of the RSFSR of 1922. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917—1952 / ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1953. (In Russ.)
12. On the introduction of amendments and additions to the legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Counteracting Extremist Activity": federal law no. 112-FZ of July 25, 2002. *Rossiyskaya Gazeta*, 2002, no. 138—139. (In Russ.)
13. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of countering extremism: federal law no. 211-FZ of July 24, 2007. *Collection of legislative acts of the RF*, 2007, no. 31, art. 4008. (In Russ.)
14. Kuznetsov A. P. The concept, general characteristics of crimes against the foundations of the constitutional system and state security. *Socio-political sciences*, 2017, no. 4, pp. 86—90. (In Russ.)
15. Fridinsky S. N. Fighting extremism (criminal and criminological aspects). Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2003. 217 p. (In Russ.)
16. Magnutov Yu. S. Criminal law counteraction to special organized forms of extremist activity (Art. 282.1 and Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): theory, technique, practice. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 384 p. (In Russ.)
17. Khlebushkin A. G. Fundamentals of the constitutional system as an object of criminal law protection. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (56), pp. 73—79. (In Russ.)
18. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 7, part II, art. 5351. (In Russ.)
19. Emelyanova E. V., Petryanin A. V. National security strategy of the Russian Federation: reassessment of modern challenges. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2021, no. 4, pp. 10—16. (In Russ.)
20. Criminal law of the Russian Federation: special part: textbook / ed. by A. I. Rarog. Moscow, 2004. 742 p. (In Russ.)
21. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of June 28, 2011. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2011, no. 8, August. (In Russ.)
22. Putin: extremists are everywhere, but they are supported only in Ukraine. URL: <https://www.vesti.ru/article/2744519> (accessed 25.08.2022). (In Russ.)
23. Petryanin A. V. The personality of an extremist: a criminological aspect. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (20), pp. 104—109. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Ахметшин — руководитель Управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

Information about the author

A. S. Ahmetshin — The head of the Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.